

И. Н. Ильина

ЛОМОНОСОВСКИЙ ИНСТИТУТ: СУДЬБА ПРОЕКТА

Петербургский Ломоносовский институт явится наилучшим памятником М. В. Ломоносову.

В. И. Вернадский

Историческая память сохраняется в разных формах. Однако память об ученом такого масштаба, как Михаил Васильевич Ломоносов, предполагает в первую очередь развитие и применение его научных разработок и предвидений. М. В. Ломоносов оставил в наследство своим продолжателям целую программу развития науки в России, и в том числе — опытных, практических наук. Он придавал первенствующее значение наукам о Земле, понимая всю важность изучения природных ресурсов и производительных сил для экономики страны. В XVIII в. им проводились первые экспериментальные исследования и были созданы первые академические лаборатории и кабинеты для освоения химии, физики, геологии, минералогии.

В начале XX в. другой выдающийся русский ученый, В. И. Вернадский, стал одним из инициаторов создания в Академии наук Ломоносовского института для развития вышеназванных наук.

Замысел был связан как с задачей организации коллективного научного труда в форме научно-исследовательского института, так и с увековечением имени великого Ломоносова. Празднование 200-летнего юбилея Ломоносова в 1911 г. было использовано как весьма подходя-

щий повод для реализации такой идеи¹. Этот сюжет в свое время был освещен в отечественной историографии историками науки, в частности Е. С. Кулябко, М. С. Бастраковой, А. В. Кольцовым². Накануне юбилея несколько российских академиков — Н. Н. Бекетов, Б. Б. Голицын, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург и другие — выступили с коллективной инициативой создания «современного научного исследовательского института в память М. В. Ломоносова» для разработки проблем физики, химии и минералогии; причем каждое из его специализированных подразделений мыслилось как самостоятельное исследовательское учреждение с комплексом собственных лабораторий. Академики рассчитывали добиться согласия властей на создание института, учреждение которого, в свою очередь, стало бы ключевым в ряду мероприятий по увековечению памяти великого ученого. В ходе долгого рассмотрения вопроса В. И. Вернадским трижды составлялась записка «О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук» (в 1911, 1912 и 1913 гг.), в которой настойчиво проводилась мысль о необходимости создания исследовательского института на базе Химической лаборатории, Физического кабинета и Минералогической лаборатории Геологического музея. В центре проекта тогда оказались задачи отведения земельного участка и строительства на нем здания для будущего института. Вопросы финансирования и кадрового обеспечения на тот момент, по мнению академиков, проблемы не составляли. Однако обсуждение вопроса на уровне правительства затянулось на несколько лет, а в годы Первой мировой войны и вовсе было отложено. До 1917 г. идея создания Ломоносовского института так и не была реализована, но вопрос в научном сообществе, что называется, прозвучал и был доведен до официальных властных структур.

В последующие годы В. И. Вернадский не раз возвращался к проблемам научного наследия М. В. Ломоносова, особенно когда возглавлял работу Ломоносовской подкомиссии Академии наук³. Не оставлял

---

¹ Вернадский В. И. О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук // Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 226–241.

² Кулябко Е. С. Ломоносовский юбилей, 1911 г. // Литературное творчество М. В. Ломоносова: исслед. и материалы. М.; Л., 1962. С. 300–312; Бастракова М. С. Академия наук и создание исследовательских институтов (две записки В. И. Вернадского) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 157–166; Кольцов А. В. Ломоносовский институт // Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Ред.-сост. Э. П. Карпеев. СПб.: Наука, 1999. С. 88.

³ В советское время работы по изучению истории науки были продолжены в рамках новой, организованной в 1921 г. под председательством В. И. Вернад-

он и попыток воплотить в жизнь идею создания Ломоносовского института.

Как известно, процесс создания научных институтов в стране активизировался уже в советское время. В начале 1920-х годов институты как организационная форма науки заняли в России первенствующее место. Большинство из них возникло на основе слияния ранее существовавших научных организаций — лабораторий, кабинетов, опытных организаций. Выдающуюся роль в становлении многих институтов сыграл В. И. Вернадский. К началу 1930-х годов в стране функционировала весьма разветвленная система научно-исследовательских учреждений во всех областях науки, а с середины 1930-х годов началось их реформирование, принявшее тенденциозный и тяжелой характер.

В сфере «опытных наук», как писал ранее Вернадский, имея в виду широкий спектр естественных дисциплин, к этому моменту оформились новые перспективные научные направления и уже действовал ряд институтов. Так, в 1930 г. в ходе реформирования научных организаций на базе Геологического и Минералогического музея Академии наук, существовавшего с 1830 г. (с 1724 г. — Минеральный кабинет), были созданы пять институтов: Геологический, Петрографический, Геохимический, Минералогический и Палеозоологический.

Однако В. И. Вернадский, понимая государственное значение минералогии, геохимии, геофизики и роль М. В. Ломоносова в их становлении, по-прежнему стремился к организации института в память Ломоносова и в начале 1930-х годов нашел поддержку в лице своего ученика — академика А. Е. Ферсмана (рис. 1). По-видимому, вторая попытка создания Ломоносовского института тоже увязывалась с очередной юбилейной датой — 220-летием со дня рождения М. В. Ломоносова, выпадавшим на 1931 г.

ского Комиссии по истории знаний (КИЗ), при которой были созданы подкомиссии, в том числе Ломоносовская. Ломоносовская подкомиссия продолжила начатую в XIX в. академиком М. И. Сухомлиновым работу по подготовке научного издания собрания сочинений Ломоносова. Это оказался самый длинный академический проект — выпуск собрания сочинений Ломоносова закончился лишь в 1948 г. Подробнее см.: Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / Сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб., 2003; В. И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского): Сборник статей и документов / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. М. Батурин; ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. М.; СПб.: Росток, 2013.

Рис. 1. Ферсман Александр Евгеньевич (АРАН. Ф. 544. Оп.7. Д. 164. Л. 21)

и Кристаллографическую лабораторию. 3. Для дальнейшей проработки структуры и названия института передать вопрос в Геологическую группу»⁴. Таким образом, Ломоносовский институт создавался на основе объединения трех учреждений — Геохимического и Минералогического институтов и лаборатории кристаллографии, состоявшей с 1925 г. при Минералогическом музее Академии наук.

В Архиве Российской академии наук в Москве хранится архивный фонд Института геохимии, кристаллографии и минералогии им. М. В. Ломоносова (Ф. 413. 197 ед. хр. за 1931–1938 гг.)⁵. В комплексе с документа-

⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 6-а. Д. 1-6. Л. 113.

⁵ *Обозрение фонда 413: Положения об Институте и его структурных подразделениях (1932–1938), перспективные и годовые планы научных работ, отчеты о деятельности (1931–1938), приказы по институту (1935–1937), материалы по строительству здания института (1933–1937). Материалы по исследованию месторождений урано-радиевых руд (1933–1934), разведке никеля, олова, сульфидных и полиметаллических руд (1936–1937), освоении ртутных месторождений Средней Азии (1935–1937) и др. Документы Уральской железорудной, Закавказской кобальтовой и Киргизской экспедиций (1933–1935), Забайкальской вольфрамитовой партии (1935), Восточно-Забайкальской экспедиции по олову (1936) и др.; проекты научно-исследовательских экспедиционных работ в Средней Азии, Якутии, Казахстане, Сибири (1933–1934). Докладные записки*

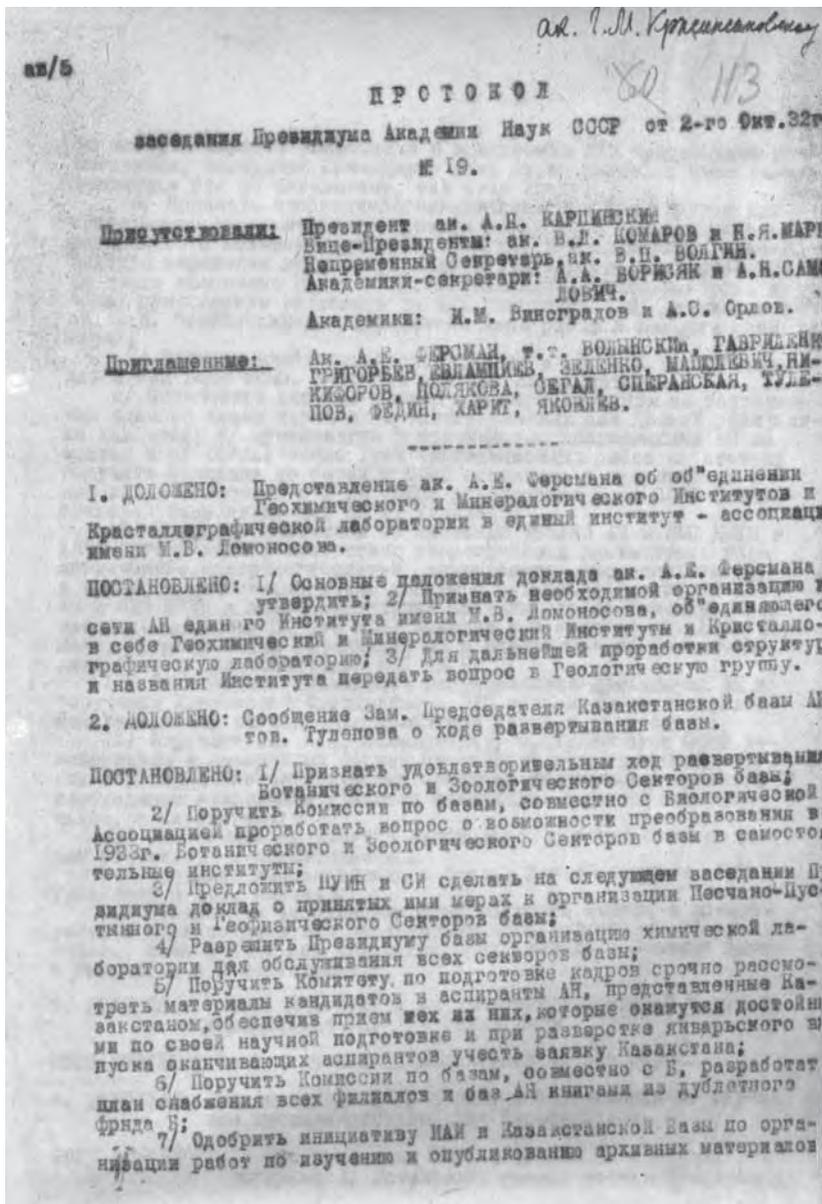

Рис. 2. Решение Президиума АН СССР о создании Ломоносовского института
(АРАН. Ф. 2. Оп. 6-а. Д. 1-6. Л. 113)

ми секретариата Президиума АН СССР (Ф. 2), Геологического института (Ф. 664), личных фондов ученых (Ф. 518 — Вернадский В. И., Ф. 544 — Ферсман А. Е., Ф. 1645 — Шубников А. В., Ф. 1567 — Щербаков Д. И., Ф. 1641 — Сауков А. А., Ф. 1766 — Ненадкевич К. А. и др.) документы Ломоносовского института позволяют практически в деталях раскрыть его историю за весь период существования — от создания в октябре 1932 г. до реформирования в декабре 1937 г.

Ломоносовский институт начал свою работу в Ленинграде. Директором института был назначен академик Александр Евгеньевич Ферсман, знаменитый минералог и геохимик, имя которого с 1955 г. носит Минералогический музей Российской академии наук. С ним работали его ближайшие коллеги и сподвижники. Так, постоянным заместителем директора в Ломоносовском институте стал Дмитрий Иванович Щербаков (рис. 3), профессор, доктор геолого-минералогических наук, известный специалист в области редких металлов. Ученым секретарем и старшим научным сотрудником института был Александр Александрович Сауков (рис. 4), известный впоследствии ученый-геохимик. Здесь работал и Константин Автономович Ненадкевич (рис. 5), доктор геолого-минералогических наук, известный минералог-геохимик. Сектор кристаллографии возглавил Алексей Васильевич Шубников (рис. 6), физик-кристаллограф, член-корреспондент, будущий создатель и директор Института кристаллографии, носящего теперь его имя. Заведующим, а потом директором Минералогического музея стал Владимир Ильич Крыжановский, известный минералог, геолог, геохимик (рис. 7).

В ноябре 1932 г. было разработано и утверждено Положение о Ломоносовском институте геохимии, кристаллографии и минералогии АН СССР⁶ (рис. 8), а также положения о его подразделениях — об Управлении делами института, редакционном бюро и редакционном совете, отделе технического и производственного снабжения, бухгалтерии,

---

А. Е. Ферсмана, Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, В. И. Кржижановского об организации Минералого-петрографического музея (1932–1934); документы о создании Дворца земной коры (1934–1935); о проведении выставок «Полезные ископаемые Кольского полуострова» и «Пути развития горной промышленности и химизации Таджикистана» (1936). Научные статьи и служебная переписка А. Е. Ферсмана (1934–1936), документы о научной деятельности А. В. Шубникова (1936–1937), отзывы о научных работах И. Ф. Стрелкина, П. И. Дубова, Н. П. Семеновко и др. (1936). Научные статьи, отчеты о полевых работах, тезисы диссертаций (1933–1937). Штатно-финансовая документация и материалы по личному составу института (1932–1938).

⁶ АРАН. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–27.

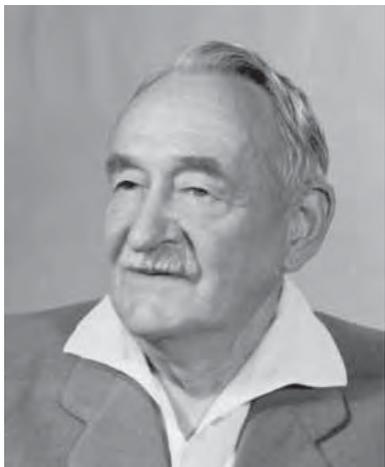

Рис. 3. Щербаков
Дмитрий Иванович
(АРАН. Ф. 1567. Оп. 1. Д. 69. Л. 6)

Рис. 4. Сауков
Александр Александрович
(АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 197. Л. 9)

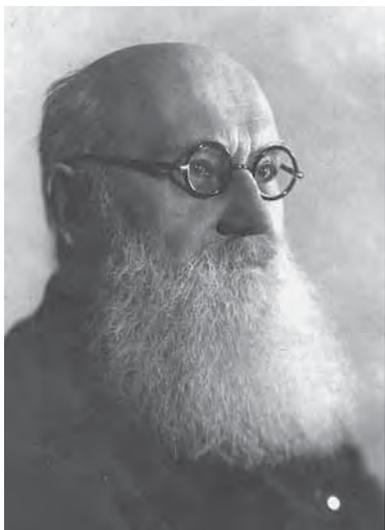

Рис. 5. Ненадкевич
Константин Автономович
(АРАН. Ф. 1766. Оп. 1. Д. 16. Л. 6)

Рис. 6. Шубников
Алексей Васильевич
(АРАН. Ф. Р-Х. Оп. 2. Д. 1815. Л. 1)

Рис. 7. Ферсман Александр Евгеньевич и Крыжановский Владимир Ильич
(АРАН. Ф. 544. Оп. 7. Д. 175. Л. 1)

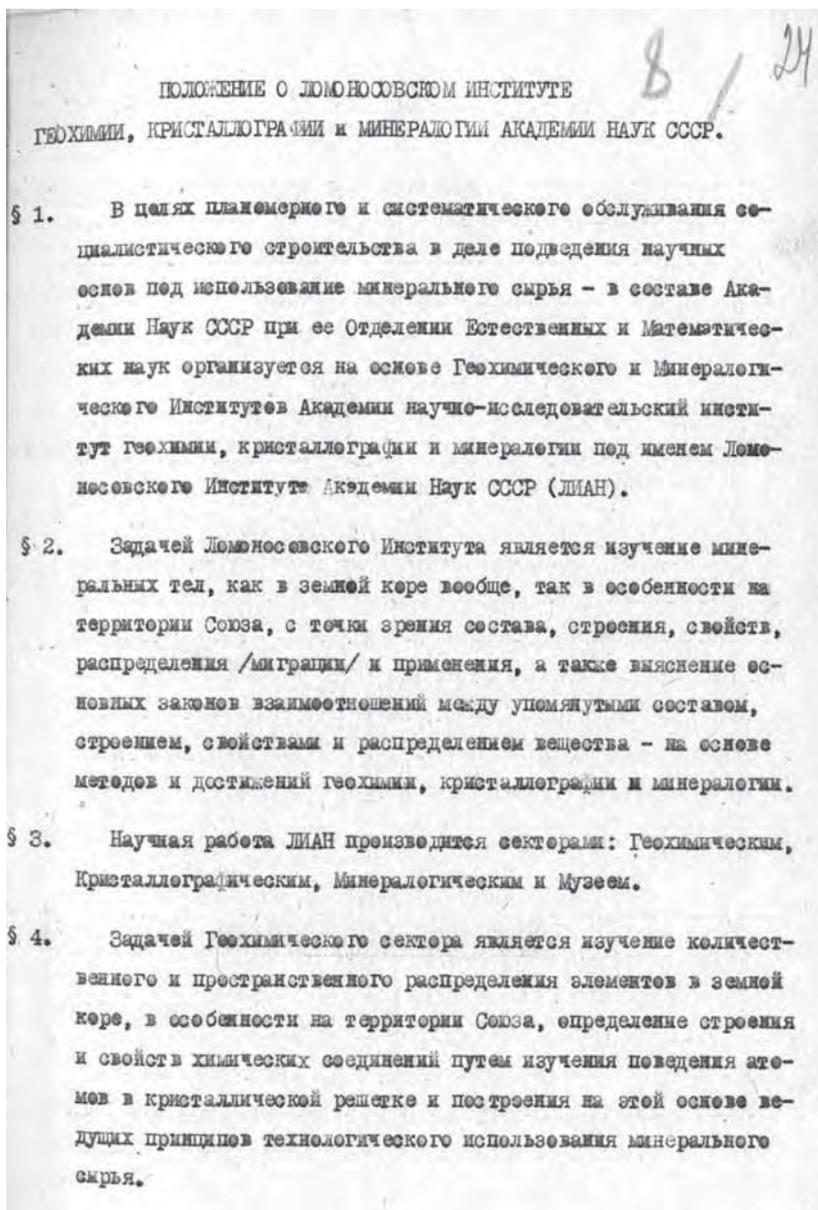

Рис. 8. Положение о Ломоносовском институте геохимии, кристаллографии и минералогии АН СССР (АРАН. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. Л. 24)

хозяйственной части, комендатуре института и др.⁷ Структура института сложилась из секторов (геохимический, минералогический, кристаллографический, региональной минералогии) и Минералогического музея⁸. Были определены главные задачи института и основные направления деятельности, которые относились, как бы мы сейчас сказали, к числу стратегически важных и приоритетных фундаментальных исследований в области изучения рудных месторождений, исследования минерального сырья и редких металлов, геохимии и кристаллографии, включая задачи обороны страны. В § 2 положения об институте говорилось: «Задачей Ломоносовского института является изучение минеральных тел как в земной коре вообще, так в особенности на территории Союза с точки зрения состава, строения, свойств, распределения / миграции / и применения, а также выяснение основных законов взаимоотношений между упомянутыми составом, строением, свойствами и распределением вещества — на основе методов и достижений геохимии, кристаллографии и минералогии»⁹. Важнейшими формами деятельности института были названы экспедиционные работы и экспериментальные исследования.

Далее предстояло наладить общую работу института. Однако эта задача оказалась сопряжена с большими трудностями, главная из которых заключалась в отсутствии специализированного здания, предназначенного для проведения опытных исследований в области химии, физики и минералогии. Вспомним, что в начале века в записках Академии наук по поводу создания Ломоносовского института речь шла практически о том же. В 1913 г. в третьей по счету записке «О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук» отмечалось: «Здание Химической лаборатории совершенно не отвечает научным потребностям нашего времени; в нем нельзя широко поставить научную работу»; «Минералогическая лаборатория помещается сейчас в частном наемном помещении»; «Физическая лаборатория обладает в зданиях Академии помещением, не допускающим производства в ней многих исследований...»¹⁰. Между тем еще в августе 1932 г., до официального создания института, рассматривались возможности его размещения в здании нового Гостиного двора на Менделеевской линии Васильевского острова в Ленинграде (сегодня — одно из зданий Санкт-Петербург-

⁷ АРАН. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. Л. 36–53.

⁸ Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 24.

¹⁰ Там же. Ф. 48. Оп. 3. Д. 1. Л. 6.

ского государственного университета). Предлагалось либо построить на этом месте новое здание, либо радикально перестроить прежнее, учитывая специфику будущего института¹¹.

Взялись за перестройку, которая затянулась на два года, оказалась делом сложным и дорогостоящим, отвлекла силы и время директора, поскольку шла с многочисленными нарушениями качества и графика работ, и в конечном счете стала препятствием проведению запланированных научно-исследовательских работ¹². В 1934 г., когда строительство было практически закончено и в здании шли отделочные работы, последовало постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 25 апреля 1934 г. «О переводе Академии наук СССР в Москву». В число учреждений, переводимых в столицу в первую очередь, попал и Ломоносовский институт.

Как отмечал директор института А. Е. Ферсман, условия работы института в Москве еще более осложнились. Сюда был переведен существенно сокращенный штат сотрудников¹³. Институту было предоставлено здание бывшего Института цемента в центре Москвы, в Старомонетном переулке, д. 35 (оно существует и поныне, и занимает его Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, в известном смысле наследник Ломоносовского института). Часть здания на тот момент была занята артиллерийскими складами, а в целом оно, как и здание в Ленинграде, требовало ремонта и существенного расширения для создания лабораторных помещений¹⁴. Таким образом, институту и его директору предстояло начать все с начала, заниматься проблемой строительства и задачей размещения института, а в дополнение к этому еще и проблемой обеспечения жильем сотрудников, которым пришлось длительное время проживать практически на своих рабочих местах¹⁵. В октябре 1934 г. руководство института вынуждено было сообщить в Президиум АН СССР о некачественном выполнении строительных работ, фактическом срыве стройки Строительным управлением Академии наук и потребовать навести

---

¹¹ АРАН. Ф. 413. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–15, 30–34; см. также: Ферсман А. Е. Институт имени М. В. Ломоносова и задачи его учреждений. С приложением статьи Я. Я. Кетчера «Новое здание Ломоносовского института» / Академия наук СССР. Л., 1932. (Труды Института им. М. В. Ломоносова. Серия общая; вып. 1).

¹² АРАН. Ф. 413. Оп. 1. Д. 15, 16.

¹³ Там же. Д. 38.

¹⁴ Там же. Д. 41.

¹⁵ Там же. Д. 38. Л. 18.

в этом деле порядок¹⁶. В конце 1934 г. директор института А. Е. Ферсман обратился к вице-президенту АН СССР академику Г. М. Кржижановскому и секретарю парткома АН СССР Кошелеву с пространным заявлением о состоянии Ломоносовского института, связав его с общим внутренним положением в Академии наук¹⁷. Он писал: «Считаю необходимым обратить внимание Президиума Академии наук на совершенно исключительно тяжелое положение, в котором находится в настоящее время Ломоносовский институт, и на необходимость принятия срочных мер для обеспечения нормального течения его научной работы. Вопрос об этих мерах заслуживает тем большего внимания, что в сущности они должны коснуться большинства институтов Академии наук и находятся в связи с общими вопросами организационного и оперативного характера»¹⁸. Ферсман крайне негативно оценил общее положение института, включая затянувшийся ремонт здания, ситуацию со штатом сотрудников, их низкой зарплатой и жилищную проблему. Он критиковал систему управления в Академии наук и «обезличивание» директорского корпуса, отсутствие самостоятельности и рычагов управления, требовал изменить саму систему управления институтами¹⁹. Он также выразил Президиуму АН СССР просьбу «вплоть до создания нормальных условий работы» освободить его от должности директора Ломоносовского института, «ибо по долгу и совести перед страной я не могу в условиях, созданных Президиумом Академии наук, продолжать ответственную работу по руководству одним из крупнейших институтов Академии наук, связанным с серьезнейшими проблемами хозяйства и обороны страны»²⁰.

Как выясняется, вопрос о ремонте и перестройке здания, а также о передаче его в полное ведение Ломоносовского института оставался актуальным еще очень долго: в 1937 г. заместитель директора Д. И. Щербаков в письме вице-президенту АН СССР академику Э. В. Брицке напоминал о необходимости приращения площадей для института за счет вывода других учреждений из здания и расширения площади для экспериментальных лабораторий²¹. Кстати, и в 1940-х годах в этом здании по-прежнему размещались все реформированные институты, не полу-

¹⁶ АРАН. Ф. 413. Оп. 1. Д. 41. Л. 84, 85, 96.

¹⁷ Там же. Ф. 544. Оп. 7. Д. 129. Л. 1–6.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 41. Л. 107, 108.

чившие иных помещений. Плохо обстояло дело и с обеспечением института необходимым оборудованием для лабораторных исследований. Руководители института не раз апеллировали к Наркомату тяжелого машиностроения и его руководителю Г. К. Орджоникидзе как источнику дополнительных средств для выполнения важных государственных работ, чего не могла обеспечить Академия наук. Звучала мысль и о переходе Ломоносовского института в ведомство наркомата²². Таким образом, работа института не была обеспечена в материально-техническом плане.

Совершенно неблагоприятно обстояло дело и с Минералогическим музеем, вошедшим в состав Ломоносовского института и также переведенным в Москву. К моменту переезда музей располагал громадным числом экспонатов, едва уместившихся в 47 железнодорожных вагонах. В Москве музею было предоставлено здание бывших конюшен Нескучного дворца, требовавшее перепланировки под экспозиционные и исследовательские задачи. Выполнение собственно музейной работы и новых перспективных планов (подготовка выставок к XVII сессии Международного геологического конгресса, разработка проекта Дворца земной коры и др.) было под угрозой ввиду отсутствия соответствующих выставочных помещений. По этому поводу в 1935 г. руководство Академии наук обращалось в Моссовет²³. В письме неперменного секретаря АН СССР академика Н. П. Горбунова отмечалось, что «музей не имеет возможности выставить свои коллекции для их использования; музей не имеет рабочих-лабораторных помещений для обработки поступающих коллекций. Музей не имеет возможности развернуть свой дублетный фонд и начать обмен с музеями Союза и с границей <...> Нужно совершенно ясно поставить перед собой вопрос — должен развиваться в Москве Минералогический музей и готовиться стать Все-союзным музеем (как Британский в Лондоне) или он будет прозябать, как до 1932 г., как складочное помещение богатейших коллекций без возможности их показа и использования для научных и просветительных целей <...> еще многие годы»²⁴.

Документально подтверждаются многочисленные проблемы и внутренние противоречия, накопившиеся в институте в 1936–1937 гг. Неупорядоченная работа, бытовая неустроенность, личные столкновения и обиды, обострение общей обстановки в стране усугубили внутреннее

---

²² АРАН. Ф. 413. Оп. 1. Д. 148. Л. 2.

²³ Там же. Д. 50. Л. 11–11 об.

²⁴ Там же. Л. 11.

состояние института. В частности, на протяжении почти всего 1936 г. институт будоражило противостояние отдела кристаллографии во главе с А. В. Шубниковым и остальных подразделений. Личная неприязнь части сотрудников к Шубникову, общественные обвинения в его адрес, вплоть до попыток отстранения от руководства отделом, стали перерастать в осуждение деятельности отдела кристаллографии как не соответствующей задачам института²⁵. В такой явно нездоровой атмосфере директор института А. Е. Ферсман, удрученный обстоятельствами, вынужден был обратиться за помощью в Президиум АН СССР. Он вновь писал и о тяжелом положении института, отягощенном внутренними дразмами, и о своем совершенно подорванном здоровье²⁶. Кое-как ситуацию удалось урегулировать.

Одновременно в науке ускорился процесс формирования новых научных направлений и дифференциации наук. В 1936–1937 гг. А. В. Шубников начал предпринимать шаги по выводу кристаллографического отдела из состава Ломоносовского института и приданию ему статуса самостоятельного структурного подразделения при Физико-математическом отделении Академии наук²⁷. С его обоснованием необходимости развития кристаллографии и создания специализированного Института кристаллографии в стране ознакомились члены АН СССР. В архивном фонде А. В. Шубникова (Ф. 1645) хранится обширная переписка по этому вопросу с десятками известных ученых в области минералогии, геохимии и кристаллографии, относящаяся к 1937 г.²⁸ Она показывает, что вопрос назрел, но однозначного решения не получил. Большинство академиков поддержали Шубникова, высказались за создание Института кристаллографии и даже обсуждали в ходе переписки кандидатуру будущего директора такого института. Однако единодушия не было. Так, В. И. Вернадский назвал себя определенно сторонником создания Института кристаллографии и видел в Шубникове возможного директора²⁹. Н. Д. Зелинский считал создание Кристаллографического института весьма важным³⁰. С. И. Вавилов выразил недоумение и предложил серьезно обсудить вопрос³¹. Н. М. Федоровский был категорично про-

²⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57.

²⁶ Там же. Ф. 277. Оп. 3. Д. 17. Л. 1.

²⁷ Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 138. Л. 6–8.

²⁸ Там же. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 165.

²⁹ Там же. Л. 51–51 об.

³⁰ Там же. Л. 36.

³¹ Там же. Л. 53–54.

тив создания специального Кристаллографического института³². Тем не менее вопрос о выводе отдела кристаллографии из состава Ломоносовского института был вынесен на рассмотрение Президиума АН СССР. 11 ноября 1937 г. решением Президиума АН СССР кристаллографический отдел Ломоносовского института был преобразован в самостоятельную кристаллографическую лабораторию в составе группы геологии Отделения геолого-географических наук АН СССР³³. Как известно, позднее, в 1944 г., был образован Институт кристаллографии АН СССР, ныне одно из самых известных академических учреждений в стране.

В 1937 г. на волне сокращения числа научных учреждений в стране произошло реформирование геологических институтов: в соответствии с постановлением СНК СССР от 17 ноября 1937 г. Президиум АН СССР 16 декабря 1937 г. принял решение «Об объединении геологических институтов». На основе слияния Ломоносовского, Петрографического и Геологического институтов был создан единый Геологический институт³⁴. Временно исполняющим обязанности директора объединенного института был назначен академик А. Д. Архангельский. В период 1942–1945 гг. директором Геологического института (Института геологических наук АН СССР) был академик А. Е. Ферсман.

Однако здесь еще рано ставить последнюю точку в истории Ломоносовского института. В документах Архива РАН за 1944 г. отражены продолжающиеся и, видимо, регулярные попытки вновь поднять вопрос о создании отдельного Института минералогии и геохимии в рамках Академии наук. В январе 1944 г., возможно, уже по традиции в канун очередной памятной даты — 180-летия со дня смерти (в 1945 г.) Ломоносова и предстоящего 220-летия Академии наук, А. Е. Ферсман, в то время директор Института геологических наук АН СССР, направляет в бюро Отделения геолого-географических наук АН СССР очередное предложение. Им был подготовлен проект организации в системе Академии наук самостоятельного Института минералогии и геохимии имени М. В. Ломоносова на базе отдела минералогии и геохимии и Минералогического музея Института геологических наук АН СССР. Проект обосновывался неотложными задачами развития минералогии и геохимии в стране³⁵. В своей записке А. Е. Ферсман сформулировал задачи и научные проблемы института, предложил структуру и кадро-

---

³² АРАН. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 165. Л. 56.

³³ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 10. Л. 174.

³⁴ Там же. Д. 8. Л. 235–236.

³⁵ Там же. Ф. 544. Оп. 7. Д. 129. Л. 23–29.

вый состав. 27 апреля 1944 г. Президиум АН СССР рассмотрел вопрос о реорганизации Института геологических наук АН СССР и в решении записал: «В целях обеспечения лучших условий развития геологических наук согласиться с предложением Отделения геолого-географических наук о реорганизации Института геологических наук АН путем разделения его на три самостоятельных института: 1) Институт геологических наук, 2) Институт минералогии и геохимии им. М. В. Ломоносова, 3) Институт геологии угля и нефти»³⁶. Предполагалось, что к 1 июня 1944 г. по этому вопросу будет подготовлен проект докладной записки в СНК СССР. Сохранившийся черновик письма А. Е. Ферсмана в Президиум Академии наук СССР от 16 ноября 1944 г. свидетельствует, что вопрос о реорганизации Института геологических наук на уровне правительства так и не обсуждался. Более того, в письме автор фактически дает негативную оценку отношению к минералогии и геохимии в стране и Академии наук: «Сейчас мы имеем тяжелое состояние с этими нужными советской науке и народному хозяйству дисциплинами. Кадры минералогов и геохимиков в стране не готовятся. Имеющиеся исследовательские кадры сокращаются. Высококвалифицированная старая часть ученых не имеет, в силу указанных обстоятельств, возможности в должной мере передать свой опыт и знания молодежи. Мы стоим перед совершенно реальной перспективой потерять свои позиции на научном мировом поприще и не выполнить той роли, которая возложена на минералогию и геохимию нашим социалистическим хозяйством»³⁷. Горько звучат и его слова об отношении к двум академикам (В. И. Вернадскому и А. Е. Ферсману), призывы которых никто в Академии наук не слышит: «Создается довольно тяжелое впечатление: два академика, на протяжении десятков лет возглавляющие минералогию в нашей стране, из года в год ставят вопрос перед Президиумом о неблагополучии, пишут заявления, просят принять меры к улучшению, тратят силы — и все это остается безрезультатно»³⁸. Как известно, вскоре, в январе 1945 г., ушел из жизни В. И. Вернадский, а в мае того же года — и А. Е. Ферсман. С ними ушла в историю и идея Ломоносовского института.

Итак, попытки создать в Академии наук Ломоносовский институт с целью развития направлений минералогии, геохимии и кристаллографии в XX в. предпринимались неоднократно. От первой формулировки

³⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 44. Л. 88–89.

³⁷ Там же. Ф. 544. Оп. 7. Д. 129. Л. 32.

³⁸ Там же. Л. 32 об.

проекта в 1911 г. и до его практического воплощения в форме института в 1932 г. прошло более 20 лет. Самостоятельное существование института длилось пять лет, после чего он стал частью другого учреждения. В истории проекта, на наш взгляд, есть две главы. В 1911 г. идея Ломоносовского института связывалась с задачей институциональной и была провозглашена в целях организации научно-исследовательских институтов в стране. В 1930-е годы, когда уже существовала общегосударственная сеть научных учреждений разного профиля, определяющим стал процесс формирования новых научных направлений на основе одновременно и дифференциации, и синтеза наук. Однако неизжитая институциональная слабость научных учреждений, организационные проблемы, скудость академического обеспечения сыграли свою роль в науке, в том числе и в деятельности созданного тогда Ломоносовского института. И в этом смысле история Ломоносовского института представляется скорее частью проблемы взаимоотношений науки и власти, чем темы увековечения памяти М. В. Ломоносова. Позднее минералогия, геохимия и геофизика, для разработки которых задумывался Ломоносовский институт, развивались в рамках уже других академических институтов.